

Ю. В. Кагарлицкий

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)

ПОСТОЯНСТВО: СЛОВО
И ПОНЯТИЕ В ИСТОРИИ
РУССКОГО ЯЗЫКА
И В КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОМ
ОБИХОДЕ XVII ВЕКА

Настоящая работа возникла как часть исследования, посвященного истории понятия *постоянство* в русском языке и русской культуре. Вероятно, следует пояснить, с чем связан такой интерес к понятию, которое как будто не очень выделяется в современном нам языке.

Понятие *постоянство* представляется чрезвычайно важным в контексте развития практик социального дисциплинирования, переосмысления человеческого поведения на фоне политических и социальных вызовов начинающегося Нового времени. Разумеется, если мы имеем в виду широкий общеевропейский контекст, следует говорить о целой серии соотносимых друг с другом понятий, присутствующих в каждой языковой культуре: *constance*, *constancy*, *Konstanz*, — однако на европейской почве неизбежным было заметное влияние латиноязычной интеллектуальной культуры, поэтому имеет смысл отталкиваться от латинского *constantia*. В свое время в книге известного историка Герхарда Остриха был выдвинут тезис о ключевой роли в европейской культуре раннего Нового времени понятия *constantia*. Исследователь считал, что небольшой трактат Юста Липсия “*De constantia in publicis malis*” (1583) сделал это слово (наряду с *patientia* и *firmitas*) одним из девизов новой эпохи, эпохи распространения неостоицизма¹. По сути же дела, ценность *constantia* (разумеется, в соответствующих языковых вариантах) признается далеко за рамками нестоических трактатов и становится для человека XVII–XVIII вв. одной из важнейших моральных характеристик.

Философские соображения Юста Липсия были важны и соответствовали духу эпохи. Однако популярность понятия *constantia* едва ли связана только с влиянием трактата Юста Липсия и сочинений

---

¹ In the triad *constantia*, *patientia*, *firmitas* (steadfastness, patience, firmness) Lipsius gave to his age, an age of bloody religious strife, the watchword for resistance against the external ills of the world [Oestreich 1982: 13].

его последователей. Резонно предположить, что причины такой популярности шире и связаны с уже упомянутыми культурными процессами. Трактат Липсия и его популярность сами по себе, вероятно, являются симптомом более масштабного явления. Это ясно, но ясно и то, что сочинения вроде “De constantia” могут стать опорными точками, своего рода вехами в изучении истории этического понятия.

На русской почве дело обстояло, естественно, иначе. Философская или близкая к философской литература возникла здесь гораздо позже, открытая рефлексия над нравственными понятиями была мало знакома, поэтому история этих понятий, которая в европейском контексте сопрягается с интеллектуальной историей, здесь оказывается трудно отличимой от лингвистической истории слов. Действительно, история понятий невозможна без пристального изучения истории лексики и, шире, истории языка в целом. Однако перспектива, которую открывает история понятий, должна быть совсем иной: необходимо увидеть сдвиги и инновации в мышлении людей, одновременно создающих новую социальную реальность и адаптирующихся к ней. События, происходящие со словами (понятиями), ни в коем случае не сводятся к имманентным процессам, протекающим в языке, а соответствуют общественным переменам — или желаемым, или уже состоявшимся. Если в обществе существуют носители языка, осознанно и открыто декларирующие новую роль того или иного понятия, это упрощает нашу задачу. Но если таких носителей нет, это не означает, что эта задача не стоит, но, скорее, что она решается другими методами. В настоящей работе я попытаюсь показать, в каком примерно направлении можно было бы двигаться, анализируя историю ряда однокоренных слов и опирающуюся на нее, но развивающуюся под воздействием своих специфических факторов историю понятия. Понятие постоянства играет важную роль в системе моральных оценок XVII—XVIII вв. Здесь я пытаюсь наметить подступы к изучению его истории.

Прилагательное *постоянный* и производные от него имеют достаточно прозрачную этимологию: они образованы от глагола *постояти*, — очевидно, не непосредственно, а от отглагольного существительного *постояние*². От глагола *постояти* образуется также существи-

---

² Ср. у А. Вайана: “On a tout un type de formes en *-tīnŭ* et en *-nīnŭ*, mais il ne s’agit pas en slave de «participes d’obligation» comme le participe en *-tinas* du lituanien <...> et ce sont en slave des dérivés en rapport avec les substantifs verbaux, non directement avec les participes passifs en *-tŭ* et *-nŭ*” [Vaillant IV: 453].

(*Не*)*постояние* имеет свою историю и роль в семантических процессах разных эпох, однако в настоящей работе оно не рассматривается.

тельное *постой* (по бессуффиксной модели), а от него прилагательное *постойн(ый)*. В семантическом отношении *постойн(ый)*, очевидно, является своего рода двойником для *постоянный*; они, видимо, конкурируют, и *постойн(ый)* со временем выходит из употребления.

Следует сразу заметить, что история *постоянн(ый)/постойн(ый)* и *непостоянн(ый)/непостойн(ый)* в древней славянской и русской письменности существенным образом различаются.

Слова *постоянный* и *постойный* отсутствуют в Словаре старославянского языка [SJS III: 200]. Самый ранний (и на долгое время единственный) известный пример с *постоянный* в значении ‘не изменчивый, неизменный, твердый, устойчивый’ отмечен в Чудовской Псалтири (XI в.): Ничесо же постоянно (σταθῆρόν) имѣя [Погорелов 1910: 67; Словарь XI–XVII вв. 17: 250]. В дальнейшем, как мы увидим, контексты с *постоянн(ый)/постойн(ый)* на протяжении столетий крайне немногочисленны.

Прилагательные *непостоянн(ый)/непостойн(ый)* возникают уже в ранний период существования славянской письменности, — по видимому, как славянский эквивалент греч. ἀνυπόστατος (возможно, как структурная калька, не без влияния фонетической близости). Греческое прилагательное ἀνυπόστατος многозначно; словарь Дж. Лампе выделяет такие его основные значения: ‘that cannot be withstood or endured, irresistible’; ‘without sure foundation’; ‘without substance, immaterial’; ‘unsubstantial, without independent existence’; ‘non-existent, unreal, imaginary’; ‘without significance’ [Lampe 1961: 164]. Таким образом, и славянские эквиваленты в состоянии развивать похожие значения.

Так, прилагательное *непостоиннѣ/непостоиннѣнь* отмечено в Словаре старославянского языка как передающее ἀνυπόστατος со значением ‘неудержимый; intolerabilis, insustentabilis’: **оубо прѣиде д<оу>ша наша водѣ непостоинѣ** в Синайской, Болонской, Парижской и Лобковицкой псалтири, <...> **непостоиннѣнь** в Погодинской псалтири; **непостоиннѣ гнѣвъ** в Болонской псалтири [SJS II: 387–388].

Слово *непостоянный* отсутствует в Словаре старославянского языка [SJS II: 388]. В древнеболгарских памятниках — Болонской, Погодинской псалтири — *непостоянный* встречается только в толковой части³. Однако как раз на примере Пс. 123:5 хорошо видно, как

³ Ср: ‘невыносимый; такой, перед которым невозможно устоять’: **Отъ наводнення грѣхознааго ꙗко и вода во потаплѣше члѣчѣства вода же ꙗко непостоаннѣ** [Jagić 1907: 69], греч. ἀνυπόστατος [Там же: 914]; **Жидове ꙗко вода си рѣчь непостоанни** [Там же: 422], греч. ἀνυπόστατος [Там же: 914]; ‘изменчивый, подвижный, неустойчивый’: **Непостоанно рече, воо ли горѣ, воо ли**

на восточнославянской почве *непостоянный* и *непостоян(ый)* заменяют друг друга и употребляются примерно в одном и том же качестве. Если в древнейших версиях Псалтири в Пс. 123:5 читается *убо преиде душа наша воду непостояну* (см. выше), то уже довольно рано *непостояну* заменяется на *непостоянну*. В переводе Толковой Псалтири Феодорита Киррского, частично дошедшем до нас в Чудовской псалтири, соответствующее место сохранилось лишь в более поздних списках. На основании их данных В. А. Погорелов считал, что в переводе было употреблено *непостоянный* [Погорелов 1910: 231], но исходно могло, кажется, быть и *непостоянный* (такое различие встречается довольно часто); цит. по рукописи XVII в.: *потѣкъ преиде дѣша наша, водѣ непостояннѣ <...> оубо преиде дѣша наша водѣ непостояннѣ* (РГБ, ф. 173.1 (МДА Фунд.), № 24, 356об., 393). В Толстовской Псалтири XI–XII вв. читается *непостояннѣ: Оубо прѣиде дѣша наша водѣ непостояннѣ* (РНБ, Ф.п.1.23, 243об.); ср., однако, там же, в толковании Пс. 17:17 в близком значении *непостояннѣ: Полатѣ ма штѣ водѣ многѣ ∴ Отѣ наводнѣнѣа грѣховнѣааго ако вода во потаплаше члѣчства вода же ако непостояннѣнѣа* (Там же, 7об.). В Симоновской псалтири (конец XIII–XIV в.): *оубо пренде дѣша наша водоу непостояннѣнѣнѣ* [Амфилохий II: 414]. В Киевской псалтири (конец XIV в.): *пренде дѣша наша водоу непостояннѣнѣнѣнѣ* (РНБ, ОЛДП F.6, 181). В Геннадиевской библии: *...постояннѣнѣ* [ГБ Псалтирь: 304]. Так и в современном церковнославянском тексте.

Достаточно рано появляются и употребления *непостоянн(ый)/непостоян(ый)* и в других значениях. В Пандектах Антиоха XI в. отмечено *непостояннѣ* ‘преходящий, непостоянный’: *врѣменьнѣнѣ и непостояннѣнѣнѣнѣ*; греч. ἀνυλόστατος [Амфилохий 1880: 78; Словарь XI–XVII вв. 11: 232].

Кроме того, *непостоянн(ый)/непостоян(ый)* достаточно рано используются и для перевода других слов: ἄστατος, ἄστεκτος. Если мое предположение, что изначально *непостоянн(ый)/непостоян(ый)* долж-

---

долоу, тако во врѣтитѣ са коло [Там же: 404], греч. ἀνυλόστατος [Там же: 914]; ‘безостановочный, беспокойный’: *ти во въ мори житенствѣмъ яко вѣ водахѣ въ сластехѣ нѣражѣтѣ непостояннѣ* [Там же: 33], греч. ἄστατος [Там же: 917] и проч. О прилагательном ἄστατος см. далее. Обратим внимание, что в различных псалтирях *непостоянн(ый)* и *непостоян(ый)* подменяют друг друга: например, в соответствии с *Непостояннѣнѣ рече...* Болонской псалтири в Погодинской, Софийской и Бухарестской читается *непостояннѣнѣ* [Там же: 404]. Это лишний раз показывает, что *непостоянн(ый)* и *непостоян(ый)* рассматриваются как взаимозаменяемые, в какой-то мере даже как варианты одного слова (см ниже).

ны были переводить *ἀνυπόστατος*, то можно также предположить, что они переводят слова, частично пересекающиеся по значениям с *ἀνυπόστατος*. Для *ἄστατος* выделяются следующие значения: ‘never standing still, unresting’; ‘restless’; ‘(of things) subject to change, unstable’; ‘(of persons) unsteady, unstable <...> inconstant’, для *ἄστεκτος* — значение ‘insufferable’ [Liddell, Scott 1996: 260–261]. Таким образом, вместе *ἄστατος* и *ἄστεκτος* покрывают значительную часть значений *ἀνυπόστατος* (см. выше).

В изданных И. В. Ягичем служебных минеях 1095–1097 гг. читаются *непостоянный/непостоянный* и однокоренные производные; при этом они переводят разные слова и передают разные значения (далее привожу по [Ягич 1886] выборочные примеры).

Из минеи на сентябрь — ‘изменчивый, подвижный, неустойчивый’: **Дѣтѣское непостоянное оутвържаше моудре своимн стратѣми** [036]; греч. *ἄστατος*.

Из минеи на ноябрь — ‘невыносимый; такой, перед которым невозможно устоять’: **Непостоянно снаник приемла творца и ба, архистратижк <...> паче слнца блистакши** [326; Словарь XI–XVII вв. 11: 233], греч. *ἄστεκτος*; **Видѣ страшнѣ яви са, непостояннѣ и неодоальнѣ бранѣмъ всѣмъ** [328; Словарь XI–XVII вв. 11: 233], греч. *ἄστεκτος*⁴.

В Ефремовской кормчей начала XII в. есть три примера употребления *непостоянный* в соответствии с *ἀνυπόστατος*:

‘лишенный основания, пустой’ — **таковыа части кѣтъ кгда кѣто прѣводити желаник кѣ непостоянномоу тѣщеславию** (τὴν ἀνυπόστατον κενοδοξίαν) [Бенешевич 1906: 616; Словарь XI–XVII вв. 11: 233];

‘не имеющий собственной сущности, собственного лица’ — **нѣ не постоянноноу**⁵ (ἀλλ’ οὐχ ἀνυπόστατον) **быти рекохоумъ кѣтѣствоу томоу** [Бенешевич 1906: 691]; **да не непостоянно** (ἵνα μὴ ἀνυπόστατον) **кже рекохъ кѣтѣство оно глати ноудимѣса** [Там же; Словарь XI–XVII вв. 11: 233].

Пример наречия *непостоянно* в значении ‘безостановочно’ обнаруживается в Троицком сборнике (XII — начала XIII в.) в поучении

⁴ Особо нужно отметить контекст в сентябрьской минее: **Мѣнкъ въ истинноу нарече са истиннѣ, страдаальче непостоннѣ радоуѣ са прѣстонши...** [0136], где *непостоннѣ* — очевидно ошибочно — переводит *ἐνυπόστατω* ‘действительно, воистину’. Смешение *ἐνυπόστατος* и *ἀνυπόστατος*, слов фонетически и графически схожих, но противоположных по значению, лишний раз указывает на книжный характер редко употребляемых *непостоянный/непостоянный*.

⁵ Видимо, в рукописи пропущена отрицательная частица; нужно: **нѣ не непостоянноу**; ср. вторую цитату на той же странице издания.

Климента Охридского на память апостола или мученика: **житник се лъстьнок <...> тако сѣнь непостоянно преходить** [Троицкий сборник 1988: 25; Словарь XI–XIV вв. V: 329]. Для древнерусского периода это как будто единственный известный пример употребления (*не*)-*постоянн(ый)* в оригинальном тексте. Показательно, что мы встречаем его в тексте, созданном одним из учеников Кирилла и Мефодия, то есть относящемся к начальному периоду существования славянской письменности.

Целый ряд примеров может быть обнаружен в Огласительных поучениях Феодора Студита, в славянском переводе известных в рукописях с XIV в., но переведенных в домонгольскую эпоху. На этом памятнике имеет смысл остановиться подробнее. Исследователями неоднократно отмечалось, что славянский перевод Огласительных поучений «крайне неисправен, невразумителен и по местам лишен смысла; видимо, переводчик недостаточно знал греч. язык и, может быть, пользовался неисправной греческой рукописью» [Доброклонский 1914: 45]; что он «изобилует ошибками, нарушением грамматических связей» и что «[в] ряду переводов с греческого, содержащих русизмы, этот памятник является самой большой переводческой неудачей» [Пичхадзе 2011: 39]. Интересно, что именно в этом памятнике мы встречаемся с неоднократным употреблением (*не*)*постоянный*. Прежде чем высказать предположение относительно причин такого переводческого пристрастия, рассмотрим эти примеры чуть внимательнее. Примеры, приведенные ниже, цитируются по рукописи РГБ, ф. 173.1 (МДА Фунд.), № 52, сверяются по публикации поучений в составе Великих Миней Четых и сопоставляются с греческим оригиналом по изданию Великих Миней Четых.

Примеры со словом *постоянный*:

‘отступнический’ — **ли на похотное сластолюбье низлагающа ли на постоянное поощающе** (εἴτε πρὸς ἀποστασίαν ἐρεθίζοντι) **ли на лѣньность раслабляюща ли на нетерпѣнье подвижающа ли на невѣръствие лаяща** (144об.; ср. [ВМЧ ноябрь 1–12: 679; ВМЧ ноябрь 11, приложение: 254])⁶;

⁶ По смыслу скорее должно было бы быть «**на непостоянное**», πρὸς ἀποστασίαν; ср. современный перевод: «...возбуждать в нас желание удовольствий, или побуждать к бегству, или манти к унынию, или тянуть к нетерпению, или ловить в недоверчивость» [Феодор Студит 2010: 599]. Возможно, переводчиком или переписчиком на каком-то этапе была потеряна отрицательная частица (ср. выше подобную описку в Ефремовской кормчей).

‘настойчивый’ — елико же оубо и волцы прочни и пекѹщиеся о постоаианнѣмъ требовании прилежаще и вводище теченья и трѹда толка яко толциѹхъ и таковыхъ змиевъ побѣдиша (160; ср. [ВМЧ ноябрь 1–12: 701], греч. ἐνστάσεως, возможно, смешанное с εὐσταθῆς ‘постоянный’ [Liddell, Scott 1996: 732])⁷.

Других примеров с *постоянный* (без *не-*) в Огласительных поучениях не найдено⁸.

Примеры со словом *непостоянный*: ‘изменчивый, подвижный, неустойчивый’ — идѹже не пристѹаекъ гѣ тамо вѣдници вселишася въ камень небѣго и злодѣшно, и непостоянно во всѣхъ пѹтєхъ своихъ (77; ср. [ВМЧ ноябрь 1–12: 587], греч. ἀκατάστατος [ВМЧ ноябрь 11, приложение: 136])⁹; три отроцы три оуноши версты непостояннии ненаказани (78об.–79; ср. [ВМЧ ноябрь 1–12: 590; Словарь XI–XIV вв. V: 329], греч. ἀκατάστατοι [ВМЧ ноябрь 11, приложение: 139])¹⁰;

‘невыносимый; такой, перед которым невозможно устоять’ — О страшнем дни сѹднимъ и непостояннѣмъ (81; ср. [ВМЧ ноябрь 1–12: 593], греч. ἀποστατήσαντος [ВМЧ ноябрь 11, приложение: 143])¹¹;

⁷ Переведено с ошибками: “Οσης οὖν καὶ ἡλικῆς λοιπὸν φροντίδος καὶ ἐνστάσεως χρεῖα, ἐπιμελείας καὶ ἀγῶνος, δρόμου καὶ κόπου συντόνου, ἴνα τὸν τοιοῦτον καὶ τηλικοῦτον δράκοντα νικῆσωμεν [ВМЧ ноябрь 11, приложение: 282; Словарь XI–XIV вв. VII: 303]; ср. современный перевод: «Сколько же и каких нам нужно заботы, настойчивости, усердия, подвигов, борьбы, бега и напряженного труда, чтобы победить такого дракона» [Феодор Студит 2010: 618].

⁸ Отметим также слово *богостоянный*: иво не анѣльскы ли ксть образъ нашъ братькѣ мога. не престѹок ли житѣкѣ. не бѹпостоянное ли теченькѣ (15–15об.; ср. [ВМЧ ноябрь 1–12: 503]; греч. θεόληπτος [ВМЧ ноябрь 11, приложение: 27]).

⁹ Перевод этого пассажа ошибочен; ср. современный перевод: «...куда не взирает Бог. Такой участи подверглись несчастный Евлалий и мгновенно падший, двоедушный и непостоянный в путях своих Петроний» [Феодор Студит 2010: 519]. Однако перевод ἀκατάστατος как *непостоянно*, можно сказать, адекватен.

¹⁰ Перевод относительно точный; ср.: «Три отрока, трое юных людей, не возмужавшие, не установившиеся, еще недовоспитанные» [Феодор Студит 2010: 521–522]; ἀκατάστατοι верно переведено как *непостояннии*. В этом и предыдущем примере *непостоянный* является моральной характеристикой, приблизительно соответствующей позднему пониманию (‘слабый, ненадежный, колеблющийся’).

¹¹ Перевод заголовка неверный. В оригинале (заголовок полностью): Περὶ τῆς φοβερᾶς ἡμέρας τῆς κρίσεως καὶ περὶ τοῦ ἀποστατήσαντος καὶ ἰουδαϊκῶς εἰς κριτήρια κοσμικὰ ἡμᾶς ἐνάγοντος [ВМЧ ноябрь 11, приложение: 143]. Ср. современный перевод: «О страшном дне суда и [о брате], отступившем и по-иудейски привлекающем нас к мирскому суду» [Феодор Студит 2010: 524]. Перевод ἀποστατήσαντος как *непостояннѣмъ* неверен, как и общее понимание заголовка.

слышаши страшныи ѡнѣ и непостоянныи гла сѹдыа и всѣхъ вѣки
 ба (81об.; ср. [ВМЧ ноябрь 1–12: 593; Словарь XI–XIV вв. V: 329],
 греч. ἀνυποστάτου [ВМЧ ноябрь 11, приложение: 144]¹²); намъ же
 ѿводимомъ с вѣсы во огнь неогасимыи и червь бесконечныи. на скре-
 жетъ зѹбныи на пагѹбѹ великѹю на пламень непостоянныи (81об.; ср.
 [ВМЧ ноябрь 1–12: 593], греч. ἀνυπόστατα [ВМЧ ноябрь 11, прило-
 жение: 144]¹³); грѣшныа же ѿсылаеми въ огнь кромѣшныи и въ червь
 неогыспаящии въ тмѹ несвѣтлѹю и в пропасть великѹю доходящѹю
 до ада и въ огнь нехладныи и непостоянныи (138об.; ср. [ВМЧ но-
 ябрь 1–12: 670; Словарь XI–XIV вв. V: 329], греч. ἀνυποστάτου [ВМЧ
 ноябрь 11, приложение: 242]¹⁴);

‘невысокого статуса?’ ненаглядныи взорное и похвалении конечнаго
 и непостоянныа чести невѣзданнаго служениа и молитвы (91; ср.
 [ВМЧ ноябрь 1–12: 606]; греч. соответствием, видимо, следует счи-
 тать τῆς στάσεως¹⁵;

‘отступнический’ пришедшю въ образъ погивелныи. и в глѹбины
 непостоянныа. въ о깑ловленѹ ѿметаниа и отъверженѹа (197; ср.
 [ВМЧ ноябрь 1–12: 752; Словарь XI–XIV вв. V: 329]; греч. τὸ βάραθρον
 τῆς ἀποστασίας [ВМЧ ноябрь 11, приложение: 348]¹⁶).

¹² Перевод точный. Ср.: «...слыша те страшные и нестерпимые слова Су-
 дии всех и Владыки Бога» [Феодор Студит 2010: 524–525].

¹³ Перевод точный. Ср.: «...нас с демонами поведут в огонь неугасаемый,
 к червю неусыпающему, на скрежет зубов, в хаос, в невыносимый тартар»
 [Феодор Студит 2010: 525].

¹⁴ Перевод относительно точный. Ср.: «...грешников отсылающее в кро-
 мешный огонь, к ядоносному червю, в беспросветный мрак, в громадную про-
 пасть адского жерла, в тартар невыносимого холода» [Феодор Студит 2010: 591].

¹⁵ Перевод неверный. В греческом тексте: ...τὸ ῥυτῶδες τῆς ὄψεως καὶ τῆς
 κόμης, τὸ ῥοχάτον τῆς στάσεως καὶ τῆς τιμῆς, τὸ ἀνένδοτον τῆς διακονίας καὶ τῆς
 εὐχῆς [ВМЧ ноябрь 11, приложение: 160]. Ср. современный перевод: «...грязь
 лица и волос, положение самых последних в братстве по месту и почету, неу-
 станность в работе и молитве» [Феодор Студит 2010: 535].

¹⁶ Перевод приблизительный. В греческом тексте: ...ῶχητο εἰς τὸν τόπον τῆς
 ἀπωλείας, εἰς τὸ βάραθρον τῆς ἀποστασίας, εἰς τὸ ἔνεδρον τῆς ἀρνήσεως [ВМЧ но-
 ябрь 11 приложение: 348]. Ср.: «...полетел в место гибели, в ров отступниче-
 ства и в яму отречения» [Феодор Студит 2010: 664].

В Великих Минеях Четых есть еще один пример с тем же выражением в
 оригинале [ВМЧ ноябрь 11, приложение: 253]: и лжюще не престаеѹе. вин깑юще
 и виновати с깑ще. и малою лѣбностю влек깑щеса. въ глѹбину непостоян깑ю [ВМЧ
 ноябрь 1–12: 678], однако в РГБ, 173.I 52 читается: непостоян깑ю (144). Здесь
 проявляется взаимозаменяемость этих прилагательных, а возможно, отражен
 и процесс вытеснения одной лексемы другой (см. выше): в более позднем спи-
 ске употреблено слово, закрепившееся впоследствии в языке.

Из приведенных примеров видно: не слишком умелый переводчик, не очень справлявшийся со сложным, риторически изощренным текстом и смешивавший разные, хотя и похожие внешне слова, время от времени, не всегда к месту употреблял в своем переводе, по всей видимости, достаточно редкое и книжное слово. А. А. Пичхадзе [2011: 356] относит этот памятник к категории «переводов, в которых восточнославянская лексика соседствует с южнославянской». К той же категории относится, в соответствии с этой классификацией, и уже упомянутая Ефремовская кормчая, и древнерусский перевод Пандект Никона Черногорца, восходящий к XII в., в котором (по рукописи XIV в.) читается контекст со словом *непостоянный* в значении ‘невыносимый; такой, перед которым невозможно устоять’: **прѣстателю соудъ велии естъ. и непостояненъ и вѣдоу велью приносить** (ἀνυποστάτου) [Словарь XI–XIV вв. V: 329] — и перевод Толкового Евангелия от Луки Феофилакта Болгарского, в котором *непостоянный* (*непостояни*) употреблен в значении ‘изменчивый, подвижный, неустойчивый’: И заповѣдаеъ же имъ и се: не преходити отъ сего въ други, но вонѣже домъ внидуть, ту пребывати, да не мнѣть нѣщи, непостояни суще и преложни (ἵνα μὴ δόξωσιν ἄστατοι τινες εἶναι καὶ εὐμετάβολοι) [ВМЧ октябрь 4–18: 1223; PG 123: 813].

Таким образом, все найденные нами контексты объединены несколькими общими чертами. Во-первых, они, за единственным (и значимым) исключением, взяты из переводов с греческого. Во-вторых, эти переводы или непосредственно восходят к южнославянским источникам (как Чудовская Псалтирь [Погорелов 1910] или Ягичевы минеи [Ягич 1886: CVI ссл.]), или относятся к группе переводов, выполненных на восточнославянской почве, но содержащих заметное количество южнославянизмов: Пандекты Никона Черногорца, Огласительные поучения Феодора Студита [Пичхадзе 2011: 57–75; 354–356]. Единственный оригинальный славянский текст из цитированных выше — поучение Климента Охридского в Троицком сборнике, то есть текст опять-таки с болгарской предысторией¹⁷.

Напротив, в переводных памятниках, созданных восточнославянскими книжниками и не содержащими в значимом количестве южнославянизмов, (*не*)*постоянный* и родственные слова не обнаруживаются. Например, их нет в Житии Андрея Юродивого [Молдован 2000:

¹⁷ Видимо, можно говорить о древнеболгарском происхождении этих слов, хотя в этимологическом словаре болгарского языка они значатся как заимствования из русского [БЕР V: 550].

717, 729], в Истории Иудейской войны [ИИВ II: 168, 260] и в Александрии [Истрин 1893]; лишь в Пчеле дважды встречается прилагательное *постоинъ*:

‘не изменчивый, неизменный, твердый, устойчивый’ — *мимо бо теку^т вса во истину^у. и ничто^ж ѿ видимы^х постоино* (στασίμων) [Пчела I: 844];

‘постоянный, устойчивый’ — *Великымъ трудоумъ и потомъ исправлеться въ на нравъ добръ и постоинъ* (εὐκατάστατον) [Пчела I: 461]; ср. [Словарь XI–XIV вв. VII: 302; Словарь XI–XVII вв. 17: 247]¹⁸.

Слова *постоянный* и производных от него нет и в Пчеле [II: 205, 238]. Показательно, что в греческих оригиналах Истории Иудейской войны и Пчелы присутствует слово ἀνυπόστατος, которое, как можно видеть, в памятниках, рассмотренных выше, систематически переводится как *непостоянный*, но здесь ему обычно ставится в соответствие слово *нестерпимый*: *неистърпимъ, несътърпимъ* (2 раза), *несътърпимыи* [ИИВ II: 506]; *несътърпимъ* [Пчела II: 413].

Отсутствуют эти слова и в оригинальных древнерусских памятниках, в том числе в Повести временных лет, Новгородской I летописи, Ипатьевском, Лаврентьевском, Галицко-Волынском и Московском летописном своде.

Всё сказанное заставляет думать, что исходно (*не*)*постоянн(ыи)*, как и его двойник (*не*)*постоин(ыи)*, были книжными словами, возникшими в начальный период существования славянской письменности. Практически во всех случаях они используются в переводах с греческого и обычно имеют лексическое соответствие. В просмотренных мной памятниках существенно преобладают слова с *не-*: *непостоянныи, непостоинъ, непостоянно* и проч. Прилагательные *непостоянн(ыи)* и *непостоин(ыи)* чаще всего переводят греч. ἀνυπόστατος, также ἄσπεκτος, ἄστατος, ἀκατάστατος. *Постоянный* без *не-* встречается совсем редко, что позволяет даже высказать осторожное предположение, что сначала возникло *непостоянн(ый)/непостоин(ый)*.

Также следует отметить, что в древнерусский период *непостоянн(ый)/непостоин(ый)* встречается в значении ‘невыносимый; такой, перед которым невозможно устоять’ едва ли не чаще, чем в более привычных нам значениях ‘преходящий, непостоянный’ и ‘изменчивый, подвижный, неустойчивый’; отмечены также значения ‘безостановочный, беспокойный’, ‘лишенный основания, пустой’ и ‘не имею-

¹⁸ Интересно, что более ранних примеров употребления прилагательного *постоинъ* (без *не-*) мне найти не удалось.

щий собственной сущности, собственного лица'. Для *постоянн(ый)/постоин(ый)* контекстов очень мало, но можно с уверенностью отметить контекст из Пчелы, где слово *постоинъ* употреблено, согласно [Словарь XI–XIV вв. VII: 302; Словарь XI–XVII вв. 17: 247], в значении 'постоянный, устойчивый', однако с очевидными моральными коннотациями, которые нас и интересуют.

Можно констатировать, что *(не)постоянн(ый)/(не)постоин(ый)* употребляется редко и гораздо чаще в отрицательном варианте, причем почти исключительно в переводной литературе, очень редко для моральной характеристики человека или группы лиц. Эти прилагательные и наречия, видимо, были специфическими книжными болгаризмами и за пределами узкого круга тех, кто с ними был знаком, в древнерусской письменности практически не использовались. Заметим при этом, что *непостоин(ый)* и *непостоянн(ый)* присутствовали в тексте славянской Псалтири и в ее толкованиях, а следовательно, были в какой-то мере известны древнерусскому читателю.

В этом отношении мало что меняется вплоть до XVI в. В Великих Минеях Четых, в нескольких опубликованных в их составе памятниках встречаются единичные контексты с *непостоянный*:

'невыносимый; такой, перед которым невозможно устоять' — **Іакоже се бысть яко молніи свѣтла непостоянна свѣтлостію и ни изниче** (Деяние св. Сильвестра [ВМЧ январь 1–6: 79 (93)]); **Страшныи бо и непостоянны имѣаху раны Хви рабѣ и мѣницы** (Аммония мниха повесть о убиенных св. отцах в Синае и Раифе [ВМЧ январь 6–11: 79 (868)]); **И бѣ дроугѣи Двѣ, крѣпкаго въ злобѣ Голіада низлагаа, Мамента и Маркіона, непостоянною слова працею** (Слово Иоанна Златоуста о причащении св. Таин [ВМЧ декабрь 18–23: 40 (1598)]); <...> бурю въздвижеть и мятеж непостояненъ, иже отъ начяла съмирения ратьникъ (Житие прп. Параскевы, Цамблаково [ВМЧ октябрь 4–18: 1034]); <...> двѣма бо крылома покрывааху лица, купно жбо загражащюся <так в издании! — Ю. К.> отъ испущаемыа лжча отъ престола, за еже не мощи терпѣти непостоянную еа славу, кжпно же и свое благоговѣиство гавляюще, еже имуть къ Владыцѣ (Маргарит [ВМЧ сентябрь 14–24: 974]); <...> глас же страхъ непостояненъ прѣщенія своего показаеть (Толкование на Откровение [ВМЧ сентябрь 25–30: 1737]);

'изменчивый, подвижный, неустойчивый' <...> ибо умъ нашъ стояти и безмолвствовати не хоцеть, понеже бо присно подвиженъ и непостояненъ есть (три поучения [ВМЧ сентябрь 1–13: 108]);

‘преходящий, непостоянный’ Оставлей Иона непостояннаго житія мѣсто, будущее извѣстное обрѣте мѣсто себѣ (Пролог, в день св. Ионы Саваитьского [ВМЧ сентябрь 14–24: 1341]).

Примерно в XVI в. происходят пока еще не слишком заметные изменения в судьбе слова *постоянный* и производных от него. Так, слово *постоянный* встречается в Поучении митрополита Московского Даниила: Нѣсть <так в изд.> бо прочно, и усвоенно, и постоянно никомуже от нас, якоже и прежде написася, яко гостей приять нас и скоро яко гостей отпустить нас на оно житие, и ничтоже намъ на путь дать, аще не сами себѣ предуготовимъ благыхъ дѣлъ [БЛДР 9: 360]. Здесь может быть аллюзия на цитированную выше сентенцию из Толковой Псалтири Феодорита Киррского, однако слово *постоянный* мы едва ли не впервые встречаем в оригинальном русском сочинении.

В «Троянской истории», переводе с латинского языка сочинения Гвидо де Колумна, выполненном в конце XV в. или начале XVI в., есть такое замечание: Ея же мысль всегда состоится во двизании и наипаче в растущих непостоянствѣх, прежде даже мужу жена бысть мужней мощи примѣшается [БЛДР 8: 170]; в оригинале: Cuius animus semper consistit in motu et precipue inter pubescentes uacillationes antequam mulier viro facta uiripotens misceatur [Guido de Columnis 1936: 17]. Речь идет о слабости и ненадежности женской, особенно девичей природы. Здесь для перевода *uacillationes* ‘колебания, качания, шатания’ используется слово *непостоянствѣх*, что, вероятно, является очень ранней фиксацией существительного *непостоянство*, причем фиксацией его осознанного выбора, а не, скажем, переводческого калькирования. В соседней фразе дважды употреблено слово *constantia*, однако оно переводится как «крепость», а вовсе не как «постоянство»: Numquid est sapientis se credere constancie puellari aut sexui muliebri, qui nullis annorum circulis nouit captare constantiam? — Егда мудраго есть себе вѣрити крѣпости отроковичной или полу женскому, иже нѣкоими лѣтними круги вѣсть принять крѣпости?¹⁹

---

¹⁹ Этот пример был бы еще более убедительным, если бы он не был известен по рукописи конца XVII в. (ГИМ, собр. Уварова, № 525) и не приходилось бы опасаться, что слово внесено позднейшим редактором; ср. суждение О. В. Творогова об этой рукописи: «<...> перед нами полный и весьма исправный текст Древнейшей редакции» [Творогов 1972: 169].

Примерно в эту же эпоху появляется перевод «Луцидариуса», известный нам по рукописям не позднее начала XVII в. В нем читается: **а которы**^и <человек> **сѣхого и горьчегое естества. то**^и **есть дерзъ и храбръ и имать любовь на всакія жены и непостояннѣ**^и **въ любви** [Тихонравов I: 56]; ср. в оригинале: *wer heißer and trockner Natur ist, der ist muthig und kuhn und hat gern viel Weiber und ist unstät in der Liebe* [Simrock 1845: 402]. Если исходить из того, что это место более или менее соответствует оригинальному переводу (что весьма вероятно: возможные позднейшие изменения в тексте памятника вряд ли были основаны на немецком оригинале, а здесь представлен практически безупречный перевод фразы из последнего), то можно, пожалуй, говорить о наиболее раннем (во всяком случае, из известных мне) употреблении *(не)постоянн(ый)* в подобном, сегодня вполне привычном контексте.

В 1-й пространной редакции Первого послания Ивана Грозного князю А. М. Курбскому читается слово *непостоятельный*, которое во 2-й пространной редакции заменено на *непостоянный*: Понеже сами имуще совесть непостоятелну и крестопреступну, и малого ради блистанія злата премененну, се убо и нам советуєте [Переписка Грозного с Курбским 1979: 33]; ср.: Понеже убо, сами имуще совесть непостоянну и крестопреступну и малаго ради блистанія злата пременену, се убо и нам советуєте [Там же: 82].

Принимая во внимание более позднее и более опосредованное отношение текста 2-й редакции к оригинальному тексту послания, можно предполагать, что в этом оригинальном тексте, написанном в XVI в., было *непостоятельный*, тем более что в Послании Ивана Грозного Яну Ходкевичу читается слово *постоятельный*: А убытка тебе здеся ни в чом нет, лише слово твое было, и ты б о том не кручинил ся, занеже слово мимошественно, а не постоятелно [Послания Ивана Грозного 1951: 206]²⁰; ср. также слово *непостоятельный* в Житии Александра Ошевенского, применительно к мирской славе [Словарь XI—XVII вв. 11: 233]. Появление таких явно книжных, специально сконструированных слов, как *(не)постоятельный*, *(не)стоятельный* [Там же : 233, 309], косвенно свидетельствует о поиске синонимов к слову *(не)постоянный* и, тем самым, об интересе к двум смысловым областям, которое оно способно так или иначе обслуживать — *(не)изменчивость*, *(не)подвижность*, *(не)вечность* окружающей человека

²⁰ Послание Яну Ходкевичу также известно в списке начала XVII в. В польской публикации с другого списка читается: *nestojatelno* [Zródła do dziejów polskich I: 58].

действительности и моральная (не)стойкость, (не)надежность самого человека. Разумеется, приведенные примеры слишком скудны, чтобы делать какие-то выводы; если я решаюсь на какие-то обобщения, то в свете семантических процессов, характерных для следующего столетия, — рассматривая XVI век как рубежный в этом отношении.

В XVII в. происходит всплеск употребления слова *постоянный* и производных от него в самых различных жанрах и языковых регистрах русской письменности. Широко распространяется (*не*)*постоянный* как характеристика людей как (не)лояльных, (не)верных, (не)надежных и т. п. Например: <...> видячи то, что онѣ такіе легкоумные и непостоянные люди и имѣ ни въ чемъ вѣрити не умѣти (1608) [Акты II: № 92 (187)]; то же (1675) [Акты IV: № 204 (260)]; <...> четвертый полкъ, который постояннѣе, въ прибыльные повысити и написать его въ Стрѣлецкомъ Приказѣ въ росписи четвертымъ или пятымъ полкомъ (1683) [Там же: № 280 (414)]; <...> а хотя у нихъ будутъ немногіе и непостоянные люди, и ихъ въ немногочислѣ мочно всяко усмотрѣть и въ крѣпости держать [Там же: № 280 (415)].

Естественным порядком появляются в обиходе и широко используются существительные *постоянство* и *непостоянство*: <...> многіе изъ нихъ объявились во многихъ шатостяхъ и противностяхъ, и во всякомъ дурнѣ и непостоянствѣ (1683) [Там же: № 280 (412)]; <...> чаять, за милостию Божіею и ихъ Великихъ Государей разсмотрѣніемъ, отъ стрѣльцовъ постоянства и на Москвѣ отъ шатостей безопаства [Там же: № 280 (415)]; <...> потому, что де у нихъ казаковъ непостоянство стало болшее и великого государя указу чинятся непослушны (1667–72) [Акты исторические IV: № 202 (392)]; Того ради, и нынѣ, непостоянства такового и лукавства стрещися и опаство веліе имѣти подобаетъ (1689) [Акты исторические V: № 194 (340)]; ...толко бѣ ихъ князь великій и столпы земскіе по своему общанію учинили, которое имѣ по правдѣ довелось учинити, а не своимъ междусобіемъ и непостоянствомъ и легкоуміемъ такое доброе начинаніе и счастливое поспѣшеніе потеряли (1614) [Дополнения к АИ II: № 12 (28)]; нынѣ государь нашъ королевичъ, пресвѣтлѣйшій и высокорожденной великій князь Карлусъ Филиппъ Карлусовичъ, намъ отказываеть за непостоянство Московскихъ людей и измѣнниковъ, которые отъѣзжали изъ Новагорода (1614) [Там же: № 20 (42)].

Здесь приведена лишь некоторая часть контекстов, обнаруживаемых в многотомном издании исторических документов. Разумеется, использованием (*не*)*постоянный* как характеристики человека

или группы лиц спектр значений этих слов далеко не исчерпывается. Широко распространены такие значения, как ‘надежный, прочный’: А впредь для опасенія отъ шатостей стрѣлецкихъ и отъ иного своеволства, и чтобъ впредь была постоянная и безопасная крѣпость, написаны на примѣръ статьи (1683) [Акты IV: № 280 (409)]; ‘регулярный, на постоянной основе’: Царская грамота Вологодскому воеводѣ Пушкину, о томъ, чтобы онъ имѣлъ постоянное сношеніе съ Поморскими и другими городами по Государевымъ ратнымъ дѣламъ (1609) [Акты исторические II: № 157 (180)]; со Псковскими и съ Опочецкими и съ Островскими стрѣльцы договоръ учинилъ въ годовомъ жалованьѣ, за чѣмъ бы имъ постояннымъ быть въ государевѣ службѣ (1665–1666) [Дополнения к АИ V: №1 (28)] и проч.

Наконец, в тех же значениях довольно широко используются слова *(не)постоятельный, (не)постоятельно, (не)постоятельство*.

Не так уж редко употребляются *(не)постоянный* и проч. в Вестях-Курантах; вот примеры из первой трети столетия: ω слои острожек ты еси смертная рана ѳранцѣжскому гдрству и много казны ѳранцѣжской семлѣ ѳгодиш и твое постоянноство нша погибел [Вести-Куранты 1600–1639: 109]; а отчаяннѣ ради сюды пришел тѣми дѣлы кабы я своемѣ прошеню доброво совершена не чаю памятуя вше непостоянство что на послѣдней соиме было, и а вамъ подлинно говорю, что а то все веселымъ нравомъ сабудѣ. будетъ вы нне прежние непостоянства отставите і по совѣту ѳчините [Там же: 112].

Надо заметить, что в первом из приведенных примеров *постоянство* употреблено в значении не ‘верность, лояльность’, а ‘стойкость, твердость’ (применительно к гарнизону крепости). Значение ‘верность, лояльность’ более типично, однако встречается и это, второе, например: велми дивятся здѣ о великомъ постоянствѣ і мѣжествѣ весирѣа тѣрскаго при отдачі города Кандии [Вести-Куранты 1656, 1660–1662, 1664–1670: 441]. К сожалению, не получается установить оригинальный текст для этих примеров, чтобы понять, насколько развитие это важного значения навязано оригиналом, а насколько свидетельствует о его самостоятельном развитии; первое представляется несколько более вероятным. В отношении значения ‘верность, лояльность’ хорошо видна его самостоятельность, ср.: а с тѣмъ же Карвовскимъ бѣдѣтъ многие подлинныя листы, Ханенковы, и Дорошенковы, и иныхъ в которыхъ ихъ непостоянство мочно видеть; оригинал (начиная с «в которыхъ»): daer uyt men de Cosacksse lichtvaerdigheydt klaer kan sien [Вести-Куранты 1671–1672: 56, 505]. Здесь нидерландское *lichtvaerdigheydt* ‘легкомыслие’ переведено как *непостоянство*.

В духовной литературе и документах, примыкающих к ней, также широко распространяются (*не*)*постоянный* и проч. Здесь они обозначают '(не)твердость в вере'. Ср. в грамоте патриарха Никона «о моровом поветрии»: Бяху бо и тогда лживии хотяшии уподобитися Христовымъ истиннымъ Апостоломъ: но не послушаху ихъ Христиане, постоянно во Христовѣ ученіи пребывшии [ПСЗРИ I: № 188 (390)]. Ср. в его же «Возражении или разорении...» (1662?): ...глаголет право в речах непостоянных безопаснейшая сторона имеет быть обрана, потому что безопасни ныне кто таков муж мудр, который бы подался в опасение... Тако же мудрый человек всегда ищет безопаснейшия и в речах постоянных укрепляется к лучшему [Патриарх Никон 2004: 208]; Зриши ли, неправедный ответотворче, колико зло приносит прекословие к Богу, клятву земли, неплодство и во всяком деле непоспешество, стенание, то есть печали и скорби множество, трясение, то есть смятение ума и непостоянство [Там же: 215]. В документах, относящихся к истории церковного раскола: ...гречяне-де и Малые Росіи потеряли вѣру и крѣпости и добрыхъ нравовъ нѣтъ у нихъ, покой-де и честь тѣхъ прельстила. и своимъ-де нравомъ работаютъ, а постоянства въ нихъ не объявилося и благочестія ни мало (Записка о жизни протопопа Ивана Неронова съ 1653 по 1659 год [Материалы для истории раскола I: 150]); ...глаголя, яко Никонъ въ вѣрѣ есть непостояненъ и остави совершенно вѣру христіанскую (Деяния Московского собора 1666 г. [Материалы для истории раскола II: 86]); Сего убо ради не подобаеть отнюдь и прежде возраста лѣтъ и безъ искуса постриши монахомъ ради непостоянства разума и слабости юношеской (Книга соборныхъ дѣяній... [Там же: 257]); И онъ, Никонъ, почто въ постоянствѣ не стоитъ и почто благословляти людей инако, не трема персты, напечаталь? (Челобитная Никиты Пустосвята [Материалы для истории раскола IV: 81 прим.]).

С другой стороны, (*не*)*постоянный*, (*не*)*постоянство* во множестве присутствуют у Симеона Полоцкого. Ср. в «Вертограде многоцветном» (1676–1680): Осмая — яко в дѣлѣхъ всѣхъ мѣру хранилъ есть, // праведно, постоянно дни своя вся жилъ есть (Авраам) [Вертоград I: 29]; Грѣхъ и непостоянство, имже отпадаем // твердости суда, и в томъ измѣнни бываем (Греси ума) [Там же: 231]; Наконец, да бы мзду намъ вѣдущу получитьи // Сия вѣдуще, тщимся постоянно быти (Искушение) [Вертоград II: 122]; Третье, во обою постоянно быти // достоинъ хотящему дѣло совершити (Крепкодушие) [Там же: 230]; Четвертое, хранить повиновение, // кротость и постоянство, купно терпѣние (Смирение) [Вертоград III: 160] и т. п. Здесь приведены лишь некото-

рые примеры, где *(не)постоянный*, *(не)постоянство* используются для характеристики людей, их поведения и поступков. Разумеется, те же слова употребляются и в других значениях, ср. ‘неизменный’: И воля постоянна есть во вѣки Его, // никогда хотѣнїа мѣнит Он Своего (Бог неизменен) [Вертоград I: 112]; ‘непрестанный’: Толь постоянно в дѣлех всяческих хождаше... (Марии детство) [Вертоград II: 290]; ‘бренный, преходящий’: Мир сей непостоянный, невѣм, вскую честен, // зане исполни бѣд, скорбѣи и велми есть лестен (Мир) [Там же: 327]; От сна четыре царства будуща вѣщает // и их непостоянство, и силы являет (Из книги Даниила пророка) [Вертоград III: 518] и проч. Нельзя не отметить характерную для стиля барокко тему «непостоянства» земного счастья, богатства, власти, пронизывающую дидактическую поэзию Симеона Полоцкого. Это, естественно, создает дополнительный стимул для активного использования слов *постоянный* и *постоянство*.

Симеон Полоцкий не просто работал в стилистике барокко, но и принадлежал к транснациональной латиноязычной интеллектуальной культуре раннего Нового времени, поэтому употребление *(не)постоянный*, *(не)постоянство* может быть дополнительно активизировано и насыщено определенными коннотациями за счет ориентации на латинские сочинения. В тех случаях, когда стихи из «Вертограда...» представляют собой выявленный перевод или пересказ латинского сочинения, это можно продемонстрировать. Например, двустипхи: Непостоянный умом и в дѣлѣх измѣнный // в птицу скоропаряшу мнится преложенный (Грех) [Вертоград I: 239] — является близким к тексту стихотворным пересказом фрагмента из книги проповедей Матиаса Фабера “Concionum opus tripartitum...” (1631): *Levis atque inconstans studia permutat? nihil ab avibus differt* [Там же: 346]. *Levis atque inconstans* (буквально: «легкомысленный и непостоянный») переводится как «непостоянный умом». Влияние *(in)constans*, *(in)constantia* на словоупотребление таких авторов, как Симеон, вполне возможно, но оно скорее состояло в семантическом обогащении *(не)постоянный*, *(не)постоянство*, но никак не в продвижении самих слов, которые имели уже солидную традицию употребления в близких значениях, в том числе и в книжных текстах.

В связи с активизацией употребления *(не)постоянный* и *(не)постоянство* нельзя не обратить внимание на такой жанр, как русские бытовые повести XVII в. В этих повестях *(не)постоянный*, *(не)постоянно*, *(не)постоянство* широко используются для характеристики как положительных, так и отрицательных персонажей: Мати же, о нем

такое слыша, и непостоянством зѣло огорчися, и пишеть к нему писание, дабы оттуда возвратился во градъ Казань в домъ отца своего (Повесть о Савве Грудцыне) [БЛДР 15: 49]; И Ловчиков говорил Скобееву: «Ну, господинъ Скобеев, живи уже постоянно отстань за ябидою ходить, живи в отчине своей, лутче здравию» (Повесть о Фроле Скобееве) [Там же: 72]; «...Я тебе, плуту, давно говорил: живи постоянно. Встань, скажи, что твоя вина!» (Там же) [Там же: 73]. I вздумалъ онъ Эроль Скабѣевъ искать случая какъ бы с Аннушкою познакомитца и не знаетъ наитить какова себе онъ пріятеля какъ бы чрез ково могъ получить чтоб Аннушку видеть; а болѣе не допускала ево Скабѣева бедность, потому что он дворенинъ небогатой, а еще же и Аннушкина постоянство (Повесть о Фроле Скабееве, по другой рукописи) [Покровская 1934: 289]; И между тѣми купецкими людьми бысть нѣкоторый купецъ именем Амбросий, от града Пляценти, нравом же человекъ непостоянный и блудолюбивый (Повесть о купце, заложившемся о добродетели жены своей) [БЛДР 15: 90]; Тамо же бысть нѣкий купецъ именемъ Викентий, от града Еневы, человекъ постоянный и добронравный, и благоразумный, ничего пустотнаго не глагола, ниже смѣяся, и ни смѣхотворному глаголаню внимая (Там же) [Там же: 90]; А окрестныя сосѣди имамъ близ дому моего не постоянныи и зѣло радующиися чюждему имѣнию (Там же) [Там же: 93].

Интересной и важной особенностью моральных характеристик с использованием *(не)постоянный*, *(не)постоянно*, *(не)постоянство* является их, в некотором смысле, неопределенность. Что, например, имел в виду Ловчиков (а потом и Нардин-Нашокин), говоря Фролу Скобееву «живи постоянно»? Устроиться на более уважаемую должность, вести себя более степенно, не заниматься морально предосудительными делами? Кажется, что этот вопрос имеет узко частное значение, на самом же деле он, как представляется, имеет прямое отношение к истории понятия в целом.

История слова *(не)постоянный* и производных от него как бы распадается на две мало связанные между собой части. До XVI в. мы видим в основном книжные *(не)постоянь(ый)/(не)постойн(ый)*, созданное на раннем этапе истории славянской книжности для перевода греч. ἀνυλόστατος и используемое, как и греческое слово, в разных значениях. Широко распространенным является значение ‘невыносимый; такой, перед которым невозможно устоять’, но встречаются и другие; кроме того, эти слова используются и для перевода других

греческих слов. Можно допустить, что *постояньн(ый)/постояйн(ый)* вообще парадоксальным образом произошли от соответствующих отрицательных форм. Но даже если моя несколько произвольная догадка неверна, они находятся на глубокой периферии и встречаются очень редко. Хотя уже в относительно раннюю эпоху (Пчела, XII в.) мы видим *постоинъ*, используемое для характеристики положительного нравственного склада.

Отчасти в XVI в., а по-настоящему в XVII в. у рассматриваемых здесь слов начинается совершенно новая жизнь. Они активно употребляются в текстах широчайшего спектра; при этом то значение, которое было наиболее характерным в древнейшую эпоху, совсем уходит из оборота, а на передний план выходят значения '(не)стабильный, (не)вечный, (не)прочный', '(не)надежный, (не)верный, (не)стойкий', '(не)действующий на постоянной основе', 'неизменный/меняющийся' и т. д. Значение же 'невыносимый; такой, перед которым невозможно устоять' совершенно выходит из употребления²¹.

Можно было бы предположить, что эти слова вообще вторично возникли независимо, но в это трудно поверить, учитывая, что они употреблялись, хотя и редко, в тех значениях, которые актуализировались в XVII в., еще в древнейший период, да и впоследствии никогда не уходили из поля зрения книжников полностью. Более резонно предположить, что эти слова, книжные по своему происхождению, существовали на периферии зрения даже образованных авторов и что их употребление активизировалось в эпоху, когда к их смысловому потенциалу возник особый интерес.

В этом отношении как будто не возникает вопроса, почему таким временем стал именно XVII век, поскольку именно для него характерна политическая и социальная нестабильность, внешние войны и внутренние конфликты, серьезнейший религиозный кризис, завершившийся церковным расколом. В этот период естественным образом возникает потребность в языковых средствах для обозначения тех или иных людей, явлений, институций, элементов и характери-

²¹ Зато у протопопа Аввакума в «Житии...» находим, например, употребление *непостоянный* в неожиданном значении: А виновныхъ много; сїя суть: Господь Вседержитель, Непостижимъ, Неприступенъ, Трисїаненъ, Трївпостасенъ, Царь славы, Непостояненъ, Огнь, Духъ, Богъ [Материалы для истории раскола V: 2]; ср. у него же в «Списании и собрании о божестве и о твари...»: Неприступно Божество и непостижно, и не постояанень Богъ во единомъ мѣстѣ [Там же: 311–312]. «Непостоянный» у Аввакума близко к «Вездесущий» как одному из атрибутов Божества.

стик общественной действительности как подвижных, изменчивых, проходящих или, наоборот, как устойчивых, надежных, верных. Исходя из этого, неизвестная до сих пор популярность (*не*)*постоянный* и производных от него кажется вполне объяснимой.

Это как будто не вызывает сомнений. Однако возникает вопрос, неужели в языке предшествующих эпох не было слов для передачи подобных значений. А если они существовали, непонятно, зачем носителям языка понадобилось актуализовать малоиспользуемые лексические ресурсы. Конечно, далеко не все языковые изменения удастся объяснить на языке элементарной причинности. Обычно одновременно действует целый ряд факторов, а многое приходится, за неимением лучшего, объяснять случайностью. Тем не менее в данном случае можно попытаться усмотреть в широком распространении (*не*)*постоянный* некоторую логику.

Приведенный выше материал демонстрирует большое разнообразие значений и контекстуальных употреблений (*не*)*постоянный*. Почти все контексты, однако, можно разделить на следующие основные группы: 1) упоминания отдельных вещей, явлений, институций, для которых значимо, что они существуют на постоянной основе, не меняются, не передвигаются в другое место, повторяются регулярно и т. д.; 2) назидательные рассуждения о непостоянстве мира, мирского счастья, богатства, власти и т. д.; 3) моральные характеристики лиц и групп лиц.

Есть ли какой-то общей знаменатель у всех этих разнородных по семантике и прагматике словоупотреблений? Позволю себе высказать осторожную гипотезу. В Новое время становится важным, если можно так выразиться, внешний, до некоторой степени инструментальный подход к вещам и явлениям, людям и социальным группам. Военный отряд, крепостная стена, погода важны в практической перспективе — можно ли на них положиться. Возникает своего рода прагматический фокус отношения к живым и неодушевленным, наделенным даром слова и бессловесным, делам рук человеческих и созданиям природы. Этот фокус и обслуживается вновь актуализованным и входящим в широкое употребление словом (*не*)*постоянный*, широкий смысловой диапазон которого «предсказывается» и обеспечивается многозначностью глагола *постояти*.

И здесь нужно вернуться к началу настоящей работы, где была поставлена задача — понять, как в русском дискурсивном обиходе, вне философских систем и моралистических трактатов, возникла потребность говорить о таком этическом качестве, как постоянство.

Слово (*не*)*постоянный* обладает принципиально широкой семантикой. Отчасти это связано с многозначностью слова *постояти*, от которого оно происходит. Кажется важным, однако, что это слово может характеризовать людей, вещи, явления и пр. как в перспективе чьей-либо активной деятельности, так и в перспективе пассивного существования. Поэтому употребление этого слова как бы нейтрализует эту разницу. Словом *постоянство*, отнесенным к войску, можно обозначить и мужество, и упорство и простую верность присяге. «Непостоянный» можно сказать о человеке, склонном к аморальным поступкам, а можно просто о колеблющемся, нестойком — важен прагматический фокус²². «Непостоянным» любовником может быть тот/та, кто с самого начала всерьез не воспринимал(а) отношения, или тот/та, кто склонен/склонна к ветреному поведению вообще, или тот/та, кого путем уговоров и соблазнов склонили к измене, — обманутая сторона видит ситуацию в прагматическом фокусе.

С другой стороны, (*не*)*постоянный* — это в некотором смысле автореферентная характеристика. Если мы характеризуем с его помощью человека или группу лиц, мы не конкретизируем содержание этой характеристики. Выше отмечалось, что иногда совершенно непонятно, что имеется в виду, когда говорится, что Фрол Скобеев должен «жить постоянно». Совсем не так обстояло бы дело, если бы было сказано, что ему следует жить честно, по-христиански праведно, скромно и т. п. Однако герои повести избирают именно слово *постоянно*, говоря тем самым, что он должен жить так, как следует жить, соответственно принятым в обществе стандартам существования. Это, наверное, включает в себя и коммерческую надежность, и бытовую честность, и несклонность к рискованным затеям.

Вполне вероятно, на пороге Нового времени возникает потребность в моральных характеристиках нового типа, — во-первых, стирающих грань между активными действиями и пассивными склонностями и, во-вторых, автореферентных, лишенных конкретного содержания. Эта вновь возникшая потребность связана с изменением характера тех этических норм, которые действуют в обществе. От индивида ждут не героизма или святости, а, скорее, некоторой

---

²² Интересно было бы проанализировать с этой точки зрения отсутствие (*не*)*постоянный* в летописях (вплоть до очень позднего времени) и широкое употребление его, например, в актах XVII в. Видимо, дело в том, что хотя в летописях говорится много о верности и измене, однако отсутствует прагматический фокус: летописец рассказывает о событиях в нравственной перспективе — даже если сочувствует вполне определенной стороне.

дисциплины, подчинения общим стандартам²³ — таково, вероятно, приложение к этике сформулированного выше принципа прагматического фокуса. Индивид должен вести себя так, как следует, а не следовать содержательным, но никак не соотношенным с общественными запросами моральным предписаниям. Этому конфликту в дальнейшем будет посвящена целая литература: что ценнее — быть конформным установлениям общества, где живешь, или принципиальным моралистом.

Вот почему постоянство появляется в русском дискурсивном обиходе в качестве особой добродетели, а впоследствии выдвигается на роль добродетели универсальной, добродетели как таковой²⁴, и уже в рамках той или иной дискурсивной практики принимается решение, конкретизировать его смысл или оставить его непроявленным. В качестве такой универсальной добродетели постоянство играет замечательную роль в наступающем XVIII в., но это тема для отдельной работы²⁵.

Источники и литература

Акты I–IV — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедицией Императорской академии наук. Т. I–IV, СПб., 1836.

Акты исторические I–V — Акты исторические. Т. I–V. СПб., 1841–1842. Амфилохий 1880 — [Амфилохий.] Словарь из Пандекта Антиоха XI века Воскресенской Новоиерусалимской библиотеки. М., 1880.

Амфилохий I–IV — [Амфилохий.] Древлеславянская Псалтирь Симоновская до 1280 года, сличенная с рукописными Псалтирями XI–XVII веков и старопечатными XV и XVII веков, с греческим текстом X века из Феодоритовой Псалтири, сличенным с Псалтирю в Си-

---

²³ Так, важны становятся не храброе или робкое, лояльное или изменническое поведение войска на поле брани (в конце концов, субъективные порывы тех или иных людей, его составляющих), а практические свойства этого войска, проявляемые в критической ситуации (можно на него положиться или же нельзя). Вот, вероятно, почему в раннем летописании и в Московском летописном своде отсутствует характеристика (*не*)постоянный, появляющаяся в изобилии в эпоху централизованного государства.

²⁴ О потребности в выделении такой «центральной добродетели» на рубеже Нового времени см. [Кагарлицкий 2019: 156–157].

²⁵ Автор благодарен Р. Н. Кривко и Б. П. Маслову за ценные советы, полученные в ходе работы над статьей.

- найской Библии, Псалтирью 862 года, Псалтирью X века Норовскою и Псалтирью X—XI веков: М., 1880—1881. Т. I—IV.
- Бенешевич 1906 — В. Н. Бенешевич. Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкования. СПб., 1906. Т. 1.
- БЕР V — Български етимологичен речник. София, 1996. Т. V.
- БЛДР 1—19 — Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997—2015. Т. 1—19.
- Вертоград I—III — Simeon Polockij (1629—1680). Vertograd mnogocvetnyj / Ed. by Anthony Hippisley a. Lydia I. Sazonova. With a forew. by Dmitrij S. Lichačev. Köln etc., 1996—2000 (= Bausteine zur slavischen Philologie u. Kulturgeschichte. R. V. edition... Bd. 10). Тт. I—III.
- Вести-Куранты 1600—1639 — Вести-Куранты: 1600—1639 гг. М., 1972.
- Вести-Куранты 1656, 1660—1662, 1664—1670 — Вести-Куранты: 1656 г., 1660—1662 гг., 1664—1670 гг.: Русские тексты. Ч. 1. М., 2009.
- Вести-Куранты 1671—1672 — Вести-Куранты: 1671—1672 гг. М., 2017.
- ВМЧ сентябрь 1—13 — Великие Минеи Чети, собр. Всерос. митр. Макарием. Сентябрь, дни 1—13. СПб., 1868.
- ВМЧ сентябрь 14—24 — Великие Минеи Чети, собр. Всерос. митр. Макарием. Сентябрь, дни 14—24. СПб., 1869.
- ВМЧ сентябрь 25—30 — Великие Минеи Чети, собр. Всерос. митр. Макарием. Сентябрь, дни 25—30. СПб., 1883.
- ВМЧ октябрь 4—18 — Великие Минеи Чети, собр. Всерос. митр. Макарием. Октябрь, дни 4—18. СПб., 1874.
- ВМЧ ноябрь 1—12 — Великие Минеи Чети, собр. Всерос. митр. Макарием. Ноябрь, дни 1—12. СПб., 1897.
- ВМЧ ноябрь 11, приложение — Великие Минеи Чети, собр. Всерос. митр. Макарием. Ноябрь, день 11, приложение. СПб., 1904.
- ВМЧ декабрь 18—23 — Великие Минеи Чети, собр. Всерос. митр. Макарием. Декабрь, дни 18—23. М., 1907.
- ВМЧ январь 1—6 — Великие Минеи Чети, собр. Всерос. митр. Макарием. Январь, дни 1—6. М., 1910.
- ВМЧ январь 6—11 — Великие Минеи Чети, собр. Всерос. митр. Макарием. Январь, дни 6—11. М., 1914.
- ГБ Псалтирь — Библия 1499 года и Библия в синодальном переводе. Т. 4. Псалтирь. М., 1997.
- Доброклонский 1914 — А. П. Доброклонский. Преподобный Феодор, исповедник и игумен Студийский. Ч. 2. Его творения. Одесса, 1914.
- Дополнения к АИ I—XII — Дополнения к Актам историческим. Т. I—XII. СПб., 1846—1872.
- ИИВ I—II — «История Иудейской войны» Иосифа Флавия: Древнерусский перевод. М., 2004. Т. I—II.

- Истрин 1893 — В. М. *Истрин*. Александрия русских хронографов: Исследование и текст. М., 1893.
- Кагарлицкий 2019 — Ю. В. *Кагарлицкий*. *Fortitudo* схоласта и *fortitudo* гуманиста: опыт изучения изменений конструктивной роли понятия // Понятия, идеи, конструкции: Очерки сравнительной исторической семантики. М., 2019. С. 118–159.
- Материалы для истории раскола I–IX — Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые Братством св. Петра митрополита. Т. I–IX / Под ред. Н. Субботина. М., 1875–1895.
- Молдован 2000 — А. М. *Молдован*. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности М., 2000.
- Патриарх Никон 2004 — Патриарх *Никон*. Труды. М., 2004.
- Переписка Грозного с Курбским 1979 — Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979.
- Пичхадзе 2011 — А. А. *Пичхадзе*. Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. М., 2011.
- Покровская 1934 — В. Ф. *Покровская*. Повесть о Фроле Скобееве. По неизданному Тихонравовскому списку с вариантами по всем известным спискам // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. I. М.; Л., 1934. С. 249–297.
- Погорелов 1910 — В. А. *Погорелов*. Чудовская псалтырь XI в. Отрывок толкования Феодорита Киррского на Псалтырь в древнеболгарском переводе (= Памятники старославянского языка. Т. 3. Вып. 1). СПб., 1910.
- Послания Ивана Грозного 1951 — Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951.
- ПСЗРИ — Полное Собрание Законов Российской Империи: Собрание первое. С 1649 по 12.12.1825. СПб., 1830.
- Пчела I–II — «Пчела»: Древнерусский перевод. Том I–II. М., 2008.
- Словарь XI–XIV вв. I–XII — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. I–XII—. М., 1988–2019—.
- Словарь XI–XVII вв. 1–31 — Словарь русского языка (XI–XVII вв.). Вып. 1–31—. М., 1975–2019—.
- Творогов 1972 — О. В. *Творогов*. Повести о Троянской войне в русской рукописной традиции // Троянские сказания. Л., 1972. С. 161–187.
- Тихонравов I — Летописи русской литературы и древности, издаваемые Николаем Тихонравовым: Т. I. М., 1859.
- Троицкий сборник 1988 — J. *Popovski*, F. J. *Thomson*, W. R. *Veder*. The Troickij Sbornik (= Полата књигописна, 21–22). Nijmegen, 1988.
- Феодор Студит 2010 — *Прп. Феодор Студит*. Творения. Том 1: Нравственно-аскетические творения. (= Полное собрание святых отцов Церкви и церковных писателей в русском переводе, т. 5). М., 2010.

- Ягич 1886 — *И. В. Ягич*. Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь: В церковнославянском переводе по русским рукописям 1095—1097 гг. (= Памятники древнерусского языка, т. 1). СПб., 1886.
- Guido de Columnis 1936 — *Guido de Columnis*. *Historia destructionis Troiae*. Cambridge (Mass.), 1936.
- Jagić 1907 — *V. Jagić*. Словенская Псалтырь. *Psalterium Bononiense*. Interpretationem veterem slavicam cum aliis codicibus collatam, adnotationibus ornata, appendicibus auctam adiutus academiae scientiarum vindobonensis liberalitate edidit V. Jagić. Vindobonae; Berolini; Petropoli, 1907.
- Lampe 1961 — *A Patristic Greek Lexicon* / Edited by G. W. H. Lampe. Oxford, 1961.
- Liddell, Scott 1996 — *H. G. Liddell, R. Scott* / H. S. Jones (Ed.), R. McKenzie (Assistant). *Greek-English Lexicon*. Ninth Edition with a Revised Supplement. Oxford, 1996.
- Oestreich 1982 — *G. Oestreich*. *Neostoicism and the Early Modern State* / Translated by David McLintock. Edited by Brigitta Oestreich and H. G. Koenigsberger. New York, 1982.
- Simrock 1845 — *K. J. Simrock*. *Die deutschen Volksbücher; gesammelt und in ihrer ursprünglichen Echtheit wiederhergestellt*. Bd. 13. Hans von Montevilla; Aesops Leben und Fabeln; Meister Lucidarius; Zwölf Sibyllen Weissagungen; Lebensbeschreibung des Grafen von Schafgotsch. Frankfurt a. M., 1845.
- SJS I—IV — *Slovník jazyka staroslověnského*. Praha, 1958—1997. Vol. I—IV.
- Vaillant IV — *A. Vaillant*. *Grammaire comparée des langues slaves*. T. IV. Paris, 1974.
- Zrzdóła do dziejów polskich I — *Zrzdóła do dziejów polskich* wydawane przez Michała Grabowskiego i Alexandra Przewdzieckiego. Wilno, 1843. T. I.